
ЛОЛИТА ЛАНСКАЯ
РАЗВОД
С ГЕНЕРАЛОМ
Место мужа занято

Лолита Ланская

Развод с генералом. Место мужа занято

https://litres.ru/74703102
SelfPub; 2026

Аннотация

– До свадьбы потерпишь, Марина, – говорит муж, которого я только что застала с любовницей. – Не нужно сейчас все рушить.

Двадцать восемь лет я была женой генерала и привыкла ставить семью выше собственных желаний. Но в сорок девять решаю уйти, хотя страшно остаться одной.

Муж уверен, что я скоро вернусь. Дочь просит не осложнять подготовку к ее свадьбе. А я встречаю мужчину, рядом с которым снова хочется смеяться, наряжаться и ждать следующего свидания.

Мы уже договорились о встрече, когда на семейном ужине выясняется: он – отец жениха моей дочери, наш будущий сват.

Теперь муж возмущен моей бессовестностью, а дочь плачет и просит выбрать кого-нибудь другого. Словно чувства можно отменить ради удобной рассадки за столом.

Я не хочу терять дочь. Но почему ради спокойствия семьи именно я опять должна отказаться от счастья? И с чего муж решил, что место рядом со мной навсегда принадлежит ему?

Содержание

Глава 1. До свадьбы потерпишь 4
Глава 2. Квартира, где можно выдохнуть 14
Глава 3. Ты ведь всегда понимала 25
Глава 4. Разговор не о муже 36
Глава 5. Папа жениха 46
Глава 6. Мама, только не с ним 57
Конец ознакомительного фрагмента. 58

Лолита Ланская
Развод с генералом. Место мужа занято

Глава 1. До свадьбы потерпишь

Сергей целует Веронику у своего рабочего стола, а я стою в дверях с коробкой его любимых пирожных и почему-то первым делом думаю, что сейчас уроню их на паркет.

Она обнимает его за шею, а он привычно держит ее за талию. На столе раскрыта папка с вариантами оформления Дашиной свадьбы, и я никак не могу понять, почему смотрю на фотографию банкетного зала, а не на руку мужа под краем чужого жакета.

Вероника замечает меня первой и разжимает пальцы на его шее. Сергей оборачивается не сразу, еще секунду удерживает ее возле себя, и я успеваю подумать совершенно нелепое: наверное, надо было позвонить.

– Ты же собиралась вернуться к шести, – произносит он, отступая от Вероники. Брови у него сдвигаются, как каждый раз, когда что-нибудь идет не по расписанию.

Во рту пересыхает, и вместо того, чтобы спросить, что здесь происходит, я начинаю объяснять:

– Ольга перенесла примерку. У нее что-то на работе, она написала, когда я уже приехала в город.

Внизу гудит пылесос, наша помощница по хозяйству заканчивает уборку в гостиной. Я осторожно прикрываю дверь кабинета раньше, чем успеваю сообразить, зачем. Теперь нас трое в закрытой комнате, и мне стыдно так, будто именно я сделала что-то неприличное.

Ставлю коробку на столик возле дивана, задеваю чашку и успеваю подхватить блюдце, но кофе выплескивается на полированную поверхность. Рядом лежат салфетки, я вытягиваю одну и прижимаю к коричневой лужице.

– Марина, оставь ты эту чашку, – говорит Сергей, делая шаг ко мне. – Давай сейчас спокойно поговорим.

Кладу размокшую салфетку на блюдце. Он целовал другую женщину, а я уже закрыла дверь, чтобы никто не услышал, и вытерла кофе с его мебели.

– Мы с вами вчера выбирали цвет скатертей, – обращаюсь я к Веронике. Голос выходит тихим, почти удивленным. – Вы еще сказали, что мне очень идет голубой.

Она опускает глаза и поправляет рукав жакета. Еще вчера за нашим обеденным столом она улыбалась мне так приветливо.

– Марина, я понимаю, как это сейчас выглядит, но…

– Мне кажется, вам лучше уйти, – перебиваю я и сама слышу, насколько вежливо это прозвучало. Будто она просто засиделась в гостях, а мне пора накрывать ужин.

Вероника смотрит на Сергея и только после его кивка начинает собирать бумаги. Проходя мимо, она старается не задеть меня плечом.

Когда дверь закрывается, Сергей проводит ладонью по лицу и выдыхает.

– Мне очень жаль, что ты это увидела вот так. Я не хотел, чтобы все вышло настолько некрасиво.

– А как ты хотел, Сережа? – спрашиваю я, глядя на его рубашку. На воротнике осталась едва заметная розовая полоска. – Ты вообще собирался мне сказать?

Он отводит взгляд к окну. Во дворе хлопает автомобильная дверь, и почти сразу начинает стихать шум двигателя.

– Я не собирался уходить из семьи, если ты об этом. И сейчас не собираюсь. Ты моя жена, у нас дочь, мы столько лет вместе. Это никуда не делось.

Я все-таки поднимаю на него глаза. Вот он, мой муж, с которым мы прожили двадцать восемь лет. Еще утром я приглаживала ему волосы мокрыми пальцами, потому что после сна они смешно торчали. Он поймал мою руку, поцеловал в запястье и спросил, буду ли я к ужину. Теперь я понимаю, зачем уточнял время.

– Давно у тебя с ней? Только не говори, что это первый раз, пожалуйста.

– Около пяти месяцев, – отвечает он после паузы. – Я понимаю, что виноват, но давай обойдемся без скандала.

Я сажусь на край дивана, потому что стоять становится

тяжело. Рядом с коробкой пирожных лежит мой шарф, хотя я не помню, когда успела его снять.

В феврале у нас была годовщина. Сергей подарил мне серьги, помог застегнуть одну, потому что я не могла справиться с замочком. Я тогда подумала, что с годами любовь становится спокойнее.

– На годовщину у тебя уже была она? – спрашиваю я и тут же жалею, что спросила. Ответ ведь прозвучал, только мне почему-то нужно услышать его еще раз.

Сергей садится рядом и тянется к моей руке. Я отодвигаюсь, глядя на его пальцы и вспоминая, как они лежали на талии Вероники.

– Не надо сейчас разбирать каждый день нашей жизни, ты только сделаешь себе хуже, – произносит он, нахмурившись. – Я признаю, что виноват. Но из-за моей ошибки перечеркивать все, что у нас было, тоже неправильно.

– Ты пять месяцев к ней ездил, а теперь она приезжает сюда. Это как у тебя получается одной ошибкой?

Голос у меня повышается, на последнем слове почти срывается. Сергей сразу смотрит на дверь.

– Не кричи, пожалуйста. В доме посторонний человек.

Я прижимаю ладонь ко рту. Сергей ждет, пока я успокоюсь. Он уже несколько лет в отставке, но привычка отдавать распоряжения никуда не делась. В такие минуты я невольно вспоминаю, как его подчиненные вытягивались перед своим генерал-майором.

– Веронику я сюда по работе пригласил, – продолжает он, не дождавшись ответа. – То, что произошло, было совершенно неуместно. Больше этого в доме не будет.

– А в другом месте будет? Ты это мне сейчас обещаешь, Сережа?

Он встает с дивана, одергивая рубашку.

– Я сейчас не готов обсуждать с тобой подробности. Мне тоже нужно разобраться, а ты требуешь немедленного решения.

Жду, когда он добавит, что с ней все закончено. Мне стыдно за это ожидание, но я ничего не могу с собой поделать. Сергей подходит к окну и поправляет край шторы.

– У Даши свадьба. Мы сейчас начнем выяснять отношения, она все узнает, будет нервничать. Ты же понимаешь, что для нее это значит.

– А то, что я здесь сижу, для тебя что-нибудь значит? – спрашиваю я, и слезы наконец текут по щекам. Я вытираю их ладонью, сердясь на себя за то, что не могу говорить ровно. – Ты хоть посмотри на меня, когда разговариваешь.

Он поворачивается, и на мгновение я узнаю того Сережу, который сидел со мной на полу в пустой служебной квартире и смешил, изображая хозяина особняка. Тогда у нас не было даже нормального стола, но я ни минуты не сомневалась, что мы друг за друга.

– Мариш, ну зачем ты себя так изводишь, – произносит он устало. – Давай хотя бы сегодня ничего не будем решать.

Хочешь, я лягу в гостевой, не буду тебя трогать. Поживем спокойно, постепенно разберемся.

– Ты хочешь, чтобы я осталась здесь?

Он недоуменно разводит руками.

– А куда тебе уходить? Это твой дом. До свадьбы потерпишь, Марина, а потом сядем и нормально обсудим, как нам быть дальше. Не нужно сейчас все рушить.

Я опускаю руки на колени. На пальце блестит кольцо, которое к вечеру обычно становится тесноватым.

– До свадьбы еще почти полгода, Сережа.

– Я знаю, когда у дочери свадьба, – отвечает он, и в голос возвращается раздражение. – Поэтому и прошу тебя подумать не только о том, что ты сейчас чувствуешь.

В голове столько слов, что ни одно не удается произнести. Поднимаюсь с дивана и забираю шарф, стараясь не смотреть на коробку пирожных.

– Я сегодня здесь не останусь. Мне нужно побыть без тебя.

– Марина, не делай того, о чем завтра пожалеешь, – говорит он, когда я берусь за дверную ручку. – Мы оба взрослые люди, можно обойтись без хлопанья дверьми.

Я выхожу тихо, придерживая дверь до самого конца.

В спальне достаю телефон и нахожу номер Ирины. Пока идут гудки, открываю шкаф, совершенно не понимая, что берут с собой, когда уходят от мужа.

– Ир, ты дома? Можно я к тебе сегодня приеду и останусь на ночь?

– Конечно, можно, – отвечает она. В трубке что-то шуршит, потом становится тихо. – Марин, у тебя голос странный. Вы с Сережей поругались?

– У него женщина, Ир. Я их застала у нас дома, в кабинете.

Ирина несколько секунд молчит, и я прижимаю телефон крепче.

– Приезжай ко мне, – говорит она наконец. – Ты сама за рулем?

– Я такси вызову, у меня руки трясутся.

– Тогда я тебя жду. Только возьми паспорт и карту, хорошо? Про остальное потом подумаем.

Соглашаюсь и достаю из шкафа дорожную сумку на колесиках. Она цепляется ремнем за вешалку, вместе с ней падает Сергеев пиджак. Поднимаю его и вдруг начинаю плакать, уткнувшись в жесткое плечо, которое пахнет знакомым одеколоном.

Когда Сергей появляется в дверях, я пытаюсь быстро вытереть лицо. Он смотрит на пиджак у меня в руках, потом на пустую сумку.

– Ты к Ирине собралась? – спрашивает он тише, чем говорил в кабинете. – Поживешь у нее пару дней, а дальше что?

Вешаю пиджак на спинку стула и достаю из ящика белье. Руки плохо слушаются, я роняю вещи, собираю их снова.

– Я пока не знаю, что будет дальше, – говорю я, опираясь ладонью на комод. – Я просто сегодня не могу здесь спать. Ты можешь хотя бы это понять?

Он остается возле двери. Я набиваю сумку, вспоминаю, что не положила брюки, и вытаскиваю половину вещей. От этого становится еще стыднее: даже уйти нормально не могу, все делаю под его терпеливым взглядом.

– Выйди, пожалуйста, – прошу я, не поднимая головы. – Мне нужно переодеться.

Он медлит, потом все-таки уходит.

Беру паспорт, проверяю кошелек. Моя карта на месте, на ней деньги за швейные заказы. Раньше я оставляла их на ткань, на подарки, на что-нибудь свое. Теперь пытаюсь вспомнить остаток на счете хотя бы до сотни рублей.

Вызываю такси, умываюсь и переодеваюсь в джинсы. Молния на сумке сходится, только когда я прижимаю вещи локтем.

Сергей ждет внизу. Помощница уже ушла, и колесики сумки громко стучат по ступенькам. Он протягивает руку, собираясь помочь, но я успеваю спустить ее сама.

– Возьми пальто, на улице к вечеру холодно, – говорит он, глядя на мою тонкую куртку.

Снимаю куртку и надеваю пальто с вешалки. Он столько раз напоминал мне одеться теплее, что на секунду все происходящее кажется дурным недоразумением. Но Сергей только поправляет перекрутившийся рукав и отступает.

– Я позвоню тебе завтра. Сегодня, думаю, разговора уже не получится.

Я киваю, открываю входную дверь и вдруг вспоминаю, что

зарядка осталась возле кровати.

Приходится возвращаться наверх, искать провод за тумбочкой. Слез уже нет, только страшная усталость, будто я целый день таскала мебель.

Когда выхожу во второй раз, Сергей стоит там же.

– Марин, не втягивай пока Дашу, – просит он. – Нам сначала самим надо все решить.

– Я ей сейчас звонить не собираюсь, – отвечаю я, засовывая зарядку в карман сумки. – Мне пока даже с тобой говорить трудно.

Он открывает дверь шире и пропускает меня.

В машине несколько раз проверяю, где телефон и кошелек, прошу выключить радио и всю дорогу смотрю в окно, не узнавая знакомых поворотов.

Ирина открывает прежде, чем я успеваю нажать на звонок. Забирает сумку, отступает, давая мне войти. На кухне у нее горит теплый свет, в коридоре пахнет жареным луком.

– Я суп сварила, – говорит она, разглядывая мое лицо. – Давай ты сначала разденешься, а там решим, хочешь есть или нет.

– Пирожные у него оставила, представляешь? – выговариваю я, чувствуя, как дрожат губы. – Специально зашла за ними, он эти заварные любит. А потом так и оставила на столе.

– Пускай лежат, – отвечает Ирина, снимает с меня пальто и вешает на крючок. – Иди сюда, я тебя обниму.

Я прижимаюсь к ней, слышу, как она тихо вздыхает у ме-

ня над ухом, и впервые с того момента, как открыла дверь кабинета, перестаю стараться держать лицо.

Телефон звонит, когда мы еще стоим в коридоре. Увидев Дашину фотографию на экране, я вытираю щеки и делаю вдох.

– Мам, папа мне позвонил, – говорит дочь без приветствия. Голос у нее взволнованный, слова сбиваются. – Ты уже у тети Иры? Только, пожалуйста, не отключайся, давай спокойно поговорим.

Я смотрю на Ирину. Она убирает руку с моего плеча и отходит к кухне, оставляя нас разговаривать.

– Я у нее, Даш. А что папа тебе сказал?

– Что ты застала его с Вероникой и ушла из дома. Я не оправдываю его, мам, правда, но он говорит, что у тебя сейчас такое состояние, что ты можешь вообще на развод подать.

Я сильнее прижимаю телефон к уху. Мысль о разводе до сих пор не помещалась у меня в голове целиком, а Сергей уже успел объяснить дочери, от кого следует ждать неприятностей.

– Дашенька, я только приехала. Даже раздеться толком не успела.

– Я понимаю, – торопливо отвечает она, и в голосе появляются слезы. – Но ты можешь пока ничего не делать? Ну пожалуйста, мам, хотя бы до свадьбы потерпи. Ты же не хочешь, чтобы у меня все сорвалось?

Глава 2. Квартира, где можно выдохнуть

– Даша, а почему из-за моего ухода должна сорваться твоя свадьба? – спрашиваю я, опускаясь на банкетку в прихожей. Сумка мешает поставить ноги, и я отодвигаю ее коленом. – Я же не сказала, что вы с Ильей не можете пожениться.

– Ну ты же понимаешь, о чем я, – отвечает дочь, и по тому, как меняется звук, я представляю, что она тоже садится. – Мы готовились все вместе, обсуждали, как все будет, а теперь вы с папой даже в одной комнате находиться не можете. Илья спрашивает, что случилось, а я не знаю, что ему сказать.

– Скажи, что мы поссорились. Я не прошу тебя выбирать между нами и не собираюсь отменять то, что обещала.

– Тогда побудь у тети Иры, отдохни, – произносит она уже мягче. – Папа тоже успокоится, и вы поговорите нормально. Он мне сказал, что совсем не хотел, чтобы ты уходила.

– Не надо сейчас говорить мне про папу, пожалуйста. Я не могу вернуться домой только потому, что тебе так спокойнее.

– Я ведь тоже переживаю, – говорит Даша после паузы, уже без прежнего напора. – Мне не все равно, что с тобой происходит.

– Я знаю, солнышко. Только сегодня у меня больше нет сил разговаривать. Давай завтра созвонимся?

Она спрашивает, ела ли я, и от этого простого вопроса снова подступают слезы. Отвечаю, что Ирина как раз приготовила ужин, и обещаю позвонить завтра.

Подруга появляется с ложкой в руке. Не спрашивает, что сказала Даша, просто наклоняется и отодвигает мою сумку к стене.

– У тебя один сапог снят, а второй еще на ноге. Давай я пока хлеб нарежу, а ты разберись с обувью и приходи.

На кухне сажусь на привычное место возле окна. Передо мной стоит тарелка супа, и я не могу заставить себя взяться за ложку.

– Можно я у тебя несколько дней поживу? – спрашиваю я, глядя на суп. – Только пока не найду квартиру.

Ирина перестает резать хлеб.

– Марин, ты же только приехала. Я не собираюсь с утра выставлять тебя с вещами.

– Я понимаю. Но мне нужно знать, куда дальше идти. Иначе завтра начну думать, что все это слишком сложно, а дома хотя бы тапочки мои.

Ирина вздыхает и придвигает ко мне хлеб.

– Тапочки заберем. А квартиру посмотрим, если ты правда решила. Только сначала поешь хоть немного, а то у тебя уже лицо совсем серое.

Ночью я просыпаюсь несколько раз. Диван удобный, но

сквозь сон я пытаюсь нащупать рядом Сергея и открываю глаза. На третий раз встаю и долго пью воду на кухне, прислонившись к прохладному подоконнику.

Утром Ирина собирается в ателье и одновременно листает что-то в телефоне, держа одну серьгу в зубах.

– Вот, нашла, – произносит она невнятно и, освободив рот, поворачивает ко мне экран. – Людмила с прошлой недели сдает квартиру. Моя заказчица, я ей недавно брюки подгоняла. Однокомнатная, недалеко от нас. Я сейчас спрошу, не сдала ли.

Пока подруга пишет сообщение, я рассматриваю фотографии небольшой кухни и комнаты с письменным столом у окна.

– А в вашу городскую ты не можешь? – вспоминает Ирина, застегивая серьгу. – Она ведь пустая не стоит?

– Там жильцы. Они еще на несколько месяцев рассчитывают, мы обо всем договорились. Я даже не хочу сейчас начинать с Сергеем этот разговор.

Телефон вибрирует у меня в ладони. На экране появляется его имя, и я несколько секунд смотрю на него, прежде чем отключить звук. Потом пишу, что днем заеду за рабочими вещами и что разговаривать пока не готова.

«Приезжай. Никто тебя из собственного дома не выгонял», – приходит в ответ.

Я переворачиваю телефон экраном вниз.

Людмила соглашается показать квартиру через час. Ири-

на поехать со мной не может: у нее с одиннадцати примерки. Оставляет запасные ключи и советует пока не таскать сумку: вдруг жилье мне не понравится.

Оставшись одна, открываю банковское приложение. Впервые смотрю на свои накопления не с мыслью о новой швейной машине.

На счету чуть больше ста восьмидесяти тысяч. Деньги от частных заказов, которые я откладывала понемногу. Сергей называл их моими швейными заработками и иногда шутил, что они все равно вернутся в магазин тканей.

Теперь начинаю считать. Тридцать тысяч за первый месяц, столько же залог. Потом снова аренда, продукты, дорога, телефон. Если не покупать ничего лишнего, примерно на три месяца должно хватить. И Ольга никуда не исчезла со своей примеркой, и еще две заказчицы ждут, когда я освобожусь.

Людмила встречает меня у подъезда. Поднимаемся на четвертый этаж, и она сразу показывает, как нужно потянуть дверь на себя, чтобы замок не заедал.

В квартире пахнет чистящим средством и немного чужим жильем. На кухне действительно тесно: если отодвинуть стул, дверца холодильника открывается не до конца. Зато стол в комнате оказывается большим и крепким.

Я подхожу к нему и кладу ладонь на столешницу.

– Его можно будет переставить чуть правее? Мне нужно, чтобы свет падал сбоку, я шью.

– Переставляйте, только пол не поцарапайте, – отвечает Людмила. – Мебель не новая, но крепкая. Вам самой квартира нужна?

– Да, я буду одна.

Она кивает и начинает объяснять, где перекрывается вода. Ничего не спрашивает про мужа, и я чувствую такую благодарность, будто она сделала для меня что-то особенное.

На диване проседает одна подушка, а на кухонной плитке возле окна есть скол. Я все хожу из комнаты в коридор, хотя уже понимаю, что здесь меня устраивает почти все. Людмила ждет возле стола, не подгоняет.

– Я сниму, – произношу я наконец. – Можно сегодня заехать?

Когда подписываю договор, рука немного дрожит. Шестьдесят тысяч уходят со счета одним переводом, и я с тревогой смотрю на подтверждение платежа. Никогда прежде я не платила за то, чтобы жить отдельно от мужа.

Людмила уходит, оставив ключи на столе. Я беру их и несколько раз сжимаю в ладони. За этот месяц уже заплачено. Можно привезти вещи, разложить их и не держать сумку наготове.

За вещами еду сразу, пока не передумала.

У дома нет Сергеевой машины. Открываю своим ключом и все равно задерживаюсь в прихожей, прислушиваясь.

Коробка пирожных теперь стоит на кухне. Крышка откинута, одного не хватает. Я смотрю на пустое бумажное гнез-

дышко и чувствую, как снова начинает болеть под ребрами. Значит, вечером он все-таки их ел.

Снимаю со спинки стула свой кардиган и иду в маленькую комнату, где шью. Здесь осталась открытая коробка с нитками, листок с мерками Ольги, ножницы на подоконнике. Достаю большой хозяйственный пакет и складываю все, что нужно для ближайших заказов. Остальные ткани заберу потом.

Беру домашние вещи и тапочки, захожу в ванную за зубной щеткой. Сергееву приходится придержать пальцем, чтобы она не выпала следом из стакана.

Забираю машинку, закрываю дом и отношу вещи к такси, которое ждет у ворот.

Возле нового дома водитель помогает выставить вещи на тротуар. Позади уже ждет другая машина, поэтому я благодарю его и оттаскиваю пакет ближе к подъезду. Швейная машинка в чехле кажется гораздо тяжелее, чем дома, когда я переставляю ее с тумбы на стол.

Перед входной дверью четыре ступеньки. Чувствую, как ручка врезается в ладонь, и опускаю машинку на нижнюю.

– Вам помочь донести? – спрашивает мужской голос у меня за спиной.

Оборачиваюсь слишком резко и едва не задеваю коленом пакет. В нескольких шагах стоит мужчина в темно-синей куртке, с ключами в руке. У него седина на висках и чуть прищуренные глаза; видимо, тоже только что вышел из ма-

шины.

– Мне бы до лифта, – признаюсь я, убирая прилипшие к щеке волосы. – Дальше я, наверное, сама справлюсь.

– Лифт есть, это уже хорошо, – отвечает он с легкой улыбкой. – А держать можно только за ручку или снизу тоже?

– Лучше снизу, она тяжелая. Простите, я сейчас пакет уберу, а то все перегородила.

Он дожидается, пока я отодвину вещи, подхватывает машинку и поднимается по ступенькам. Я торопливо прикладываю ключ к домофону, с первого раза не попадаю и чувствую, что начинаю краснеть.

– Не спешите, я пока ее поставлю, – говорит мужчина, опуская чехол возле двери.

В лифте он спрашивает, какой этаж, и нажимает кнопку. Я снова начинаю оправдываться.

– Мне казалось, она полегче. Дома я ее нормально поднимаю.

– Дома к ней, наверное, лестница не прилагается, – замечает он, и уголки его губ приподнимаются. – У меня тоже обычно все самое тяжелое обнаруживается возле подъезда.

Я неожиданно улыбаюсь и тут же ловлю свое отражение в мутноватом зеркале. Опухшие веки, собранные кое-как волосы, шарф, один конец которого гораздо длиннее другого. Поправляю его, хотя минуту назад мне было совершенно все равно.

У квартиры поворачиваю ключ, забываю потянуть дверь

на себя и дергаю ручку.

– Она открывается, просто я еще не привыкла, – объясняю я, сердясь на замок. – Хозяйка показывала, а я, конечно, все сделала наоборот.

Наконец дверь поддается. Мужчина остается на площадке с машинкой в руках.

– Куда ее поставить?

– Можно на стол в комнате? Только я сначала пакет уберу. Извините, здесь тесно.

Он ставит машинку у окна и выпрямляется, слегка разминая пальцы.

– Нормально здесь, я нигде не застрял, – отвечает он с улыбкой. – А за машинку не извиняйтесь. Я теперь понимаю, почему вы с ней на лестнице остановились. Хорошо, что в доме есть лифт.

Я тихо смеюсь. Смех выходит хрипловатым, непривычным после вчерашнего, и я прикрываю рот ладонью.

– Спасибо вам большое. Я уже думала оставить ее возле подъезда и сначала пакеты отнести. Меня Марина зовут.

– Олег, – представляется он, протягивая руку.

Я пожимаю его теплую ладонь, стараясь запомнить имя. Уже давно ни с кем не знакомилась вот так, без Сергея и без общих знакомых, которые нас представляют.

– Вы здесь живете? – спрашиваю я, провожая его к двери.

– В соседнем подъезде. А вы, я так понимаю, только переезжаете?

– Да, сегодня получила ключи. Даже чай предложить не могу, у меня еще ничего нет.

– Тогда не буду вам мешать устраиваться, – отвечает он. – Удачного переезда, Марина.

Он выходит, и я закрываю дверь, прислушиваясь к звуку лифта. Потом возвращаюсь в комнату и снимаю с машинки чехол. На новом столе она выглядит неожиданно уместно, словно именно ее здесь и не хватало.

Вечером забираю у Ирины дорожную сумку. Подруга предлагает остаться еще на ночь, но я отказываюсь, хотя страшно ехать в незнакомую квартиру одной. По дороге покупаю продукты и пачку чая.

Уже дома отправляю дочери адрес и пишу, что сняла квартиру. Хочу, чтобы она узнала от меня, а не от отца или Ирины.

Пока закипает чайник, переставляю стул так, чтобы он не мешал холодильнику. Приоткрываю окно, слышу, как внизу кто-то зовет ребенка домой. Становится немного легче оттого, что вокруг обычный жилой двор, а не тишина нашего большого дома.

Даша звонит, когда я опускаю чайный пакетик в чашку.

– Мам, ты правда сняла? – спрашивает она таким тоном, словно я сообщила, что переезжаю в другой город. – Зачем так торопиться, у тети Иры же можно было остаться?

– Можно было. Но мне нужно работать, а у нее не склад для моих тканей. Здесь есть стол, я уже привезла машинку.

– И сколько ты за это заплатила?

Называю сумму. Даша шумно выдыхает, и мне становится неловко, будто я потратила деньги, которые должна была с ней согласовать.

– Ты хоть квартиру посмотрела нормально? Там не сыро, окна закрываются?

Я оглядываю маленькую кухню и неожиданно улыбаюсь.

– Не сыро, окна закрываются, чайник работает. Завтра приезжай, сама увидишь.

– Мы как раз завтра приезжаем, – отвечает она. – Вещи в квартиру завезем, и я к тебе после обеда. Только, мам, ты ведь помнишь, что в субботу ужин с папой Ильи? Вы же должны познакомиться, мы еще месяц назад договорились.

Они с Ильей возвращаются насовсем: он выходит здесь на новый проект, Даша договорилась о переводе. Последние два года они работали в другом городе. Мы виделись то у нас, то у них, а знакомство с его отцом все откладывали. Теперь наконец выбрали день.

Ложка замирает у меня в руке. До этой минуты суббота казалась очень далекой, хотя до нее осталось всего два дня.

– Я помню, Даш. Приеду, конечно.

– Только вы с папой вместе приезжайте, ладно? – торопливо добавляет она. – Я Илье сказала, что вы просто поссорились. И не надо пока объяснять его отцу про съемную квартиру и все остальное, он вас еще даже не знает.

Я смотрю на ключи возле чашки, на хозяйственный пакет,

который пока не разобрала до конца.

– То есть мне нужно прийти с папой и сделать вид, что я от него не уходила?

– Мам, ну не говори так, – просит Даша, и я слышу, как она старается сдержать раздражение. – Это один вечер, всего несколько часов. Неужели ты не можешь ради меня?

Я открываю рот, чтобы привычно сказать, что, конечно, могу, и не произношу ни слова. Чайник рядом негромко потрескивает, остывая, а дочь все еще ждет, когда я соглашусь.

Глава 3. Ты ведь всегда понимала

– Я приеду на ужин, Даш, – говорю я, глядя на ключи возле чашки. – Только заезжать домой, чтобы мы с папой вышли оттуда вместе, не буду. Давай остальное завтра обсудим, когда увидимся.

Дочь устало вздыхает и соглашается отложить разговор. Положив телефон на стол, я почти сразу хочу набрать ее снова, сказать что-нибудь ласковое, чтобы она не ложилась спать расстроенной. Удерживаюсь только потому, что боюсь начать оправдываться и в конце концов пообещать все, чего она просит.

Утром достаю Ольгино платье и принимаюсь за работу. Сначала отвлекаюсь на каждый звук телефона, потом замечаю, что несколько минут думаю только о лишней складке возле проймы. Пальцы помнят, что нужно делать, и это неожиданно успокаивает.

Даша приезжает после двух. На пороге сразу обнимает меня, крепко, обеими руками, и я на несколько секунд закрываю глаза, уткнувшись носом в ее волосы.

– Мам, ты совсем не спала? – спрашивает она, немного отстраняясь и разглядывая мое лицо. – У тебя такие глаза, как будто ты всю ночь плакала.

– Поспала немного, просто место непривычное. Проходи, я сейчас чай поставлю.

Она забирает с площадки пакет с фруктами, снимает ботинки и застывает посреди комнаты. Смотрит на машинку, на раскрытую сумку возле шкафа, на диван, где я оставила сложенное постельное белье.

– Я почему-то думала, тут побольше, – произносит она тише. – Ты на этом диване спала?

– Он нормально раскладывается. Даш, не смотри так, здесь можно жить.

Она проводит ладонью по продавленной подушке, и я забираю пакет, зову ее на кухню. Мне и самой вчера хотелось остаться у Ирины, а сегодня не хочется оправдываться еще и за размер снятой квартиры.

На кухне Даша пытается отодвинуть стул и задевает его спинкой холодильник. Я показываю, как удобнее сесть, и ловлю себя на том, что слишком бодро рассказываю о магазине возле дома. Дочь слушает, не снимая шарфа. Потом вдруг тянется через стол и накрывает мою руку своей.

– Мам, я не понимаю, зачем тебе все это. Папа виноват, а ты теперь здесь, без своих вещей. Пусть бы он в гостевую ушел, дом ведь и твой тоже.

– Я не собираюсь ему дом дарить. Просто пока не могу там находиться.

Дочь убирает руку, стягивает шарф и кладет его на колени.

– Просто ты вчера сказала про квартиру, и я испугалась. Думала, вы опять поговорите и как-то договоритесь, а ты уже

переехала.

Я ставлю перед ней чашку и достаю из шкафчика вторую.

– Нам пока не о чем договариваться. Он даже не сказал, что перестанет с ней встречаться.

Даша смотрит в чашку и трет большим пальцем край ручки.

– Я просто не думала, что у вас все настолько плохо. Когда папа рассказывал, я совсем иначе это поняла.

Вода из чайника попадает мимо моей чашки. Ставлю его на подставку и вытираю стол полотенцем, не отводя глаз от дочери.

– Когда он тебе рассказывал, Даш? Позавчера, после того как я ушла?

Она поднимает голову, и по тому, как меняется ее лицо, я понимаю ответ раньше, чем слышу.

– Нет, он раньше звонил. Недели три назад, когда мы с ним обсуждали расходы на свадьбу.

Полотенце остается у меня в руках. Мне хочется уточнить, что именно они обсуждали, найти какое-нибудь другое объяснение, но Даша уже начинает торопливо говорить:

– Он сказал, что между вами давно все по-другому. Что вы живете вместе, но каждый своей жизнью, просто никому не рассказываете. И ты про Веронику знаешь.

Сажусь на стул, потому что стоять над ней больше не могу.

– Он тебе прямо сказал, что встречается с Вероникой?

– Мам, пожалуйста, не смотри на меня так, – просит она,

сжимая шарф на коленях. – Я же не знала, что он врет. Он сказал, что ты все понимаешь, просто не хочешь это обсуждать, и мне не надо лезть к тебе с расспросами.

– А ты за все это время ни разу не подумала поговорить об этом со мной?

– Я не знала, как начать такой разговор, – отвечает она едва слышно, потом вскидывает голову. – Что я должна была сказать? Позвонить и спросить, правда ли вы с папой больше не живете как муж и жена? Я вообще не хотела знать такие подробности.

Вспоминаю наши разговоры за последние недели. Даша присылала фотографии платьев, жаловалась на работу, просила посмотреть ткань. А я рассказывала, как мы с Сергеем собираемся на дачу к его товарищу, спрашивала, какие фотографии из старого альбома ей отсканировать для свадьбы.

– Я ведь с тобой почти каждый день разговаривала, – говорю я, чувствуя, как начинает дрожать подбородок. – Ты слышала, как я про него говорю. Неужели тебе ни разу не захотелось проверить, что он тебе наговорил?

Даша отводит глаза к окну.

– Я подумала, что ты сама скажешь, когда захочешь. У вас раньше тоже не все гладко было, вы ругались, а потом мирились. Ты всегда говорила, что не надо делать из ссоры катастрофу.

Я смотрю на ее руки, все еще теребящие шарф. В детстве она точно так же скручивала край футболки, если боялась

признаться в разбитой чашке. Хочется убрать ткань из ее пальцев, сказать, чтобы не мучилась. От этой привычной жалости мне становится еще больнее.

– Мы ругались из-за переезда, из-за его работы, из-за того, что он мог неделю обещать починить кран. Я никогда не говорила, что согласна жить с мужем, у которого другая женщина.

– Я теперь понимаю, – произносит Даша громче. – Но тогда я ему поверила. Он же мой отец, почему я должна была сразу решить, что он меня обманывает?

– Потому что у тебя еще и мать есть, у которой можно было спросить!

Я сама вздрагиваю от своего голоса. Даша отшатывается и задевает чашку; та звякает о блюдце.

– Не кричи на меня, пожалуйста, – говорит она, и глаза у нее наполняются слезами. – Я не виновата в том, что он сделал.

Я слышу ее, понимаю, что сейчас должна остановиться, но внутри уже все горит от обиды.

– Конечно, ты не виновата. Ты просто решила не вмешиваться, пока все было удобно. А теперь я ушла, и сразу понадобилось со мной поговорить.

– Я к тебе приехала, потому что волновалась! – выкрикивает Даша, смахивая слезы тыльной стороной ладони. – Я полночи не спала, думала, как ты тут одна. А ты разговариваешь со мной так, будто это я тебя предала!

– А как мне еще это понимать? Ты знала, что он с другой, и молчала. Тебе ведь всегда было важно только, чтобы тебе самой было удобно!

Едва произношу это, вижу, как она выпрямляется. Слезы еще текут по щекам, но рот у нее становится жестким, совсем как у Сергея, когда он обижается.

– Значит, всегда? – переспрашивает она, глядя мне прямо в лицо. – Все двадцать пять лет я только этим и занималась?

Я отвожу взгляд. Перед глазами вдруг оказывается Даша с дорожной сумкой, приехавшая на мой день рождения всего на сутки, хотя я сама уговаривала ее не тратить деньги на билеты. Она тогда наврала, что у нее работа, а вечером позвонила в дверь и стояла на пороге довольная, растрепанная после поезда.

– Я сейчас про то, что ты знала и не сказала мне, – говорю я, глядя в стол.

– Но ты же сказала «всегда», мам. Я поверила папе, потому что даже представить не могла, что он будет мне такое врать. Наверное, это было глупо. Но я не сидела и не придумывала, как сделать тебе хуже.

Она встает, задевая стол коленом. Я придерживаю чашку и наконец выпускаю из пальцев мокрое полотенце.

– Даша, я не говорю, что ты специально…

– Я лучше поеду, – перебивает она, натягивая шарф. – Мы сейчас только еще больше друг друга обидим.

Хочется попросить ее остаться. Мы даже чай не выпили,

она только приехала, а я уже наговорила такого, что не знаю, как вернуть нас за этот стол.

И одновременно я все еще хочу спросить, почему за три недели она ни разу не позвонила мне с простым вопросом, как я на самом деле живу.

В прихожей Даша долго не может попасть ногой в ботинок. Я машинально подаю ей ложку для обуви, и она принимает ее, не поднимая глаз.

– Я тебе напишу про завтрашний ужин, – говорит она, взявшись за ручку двери. – Адрес и время, чтобы ты не искала.

– Напиши, пожалуйста. Я приеду, мы ведь уже договорились.

Она кивает и выходит. Я остаюсь возле двери, пока не слышу, как приезжает лифт. Потом возвращаюсь на кухню и вижу на столе пакет с фруктами. Достаю виноград, который она привезла, и ставлю в холодильник, так и не попробовав.

Ближе к вечеру звоню Ирине.

– У тебя для меня работа найдется? – спрашиваю я, прежде чем успеваю передумать. – Не разово что-нибудь подогнуть, а чтобы регулярно к тебе выходить.

В трубке слышно, как она разговаривает с кем-то, просит оставить платье на вешалке. Я жду, рассматривая записанные Ольгины мерки.

– Марин, приходи к шести, – отвечает наконец подруга. – У меня последняя примерка закончится, нормально погово-

рим. По телефону я сейчас все равно ничего толком не соображу.

Когда прихожу в ателье, Ирина еще занята с клиенткой. Сажусь возле раскройного стола и слушаю, как они обсуждают длину рукава. Здесь знакомо все, даже коробка с пуговицами, которую подруга собирается разобрать уже несколько лет.

Проводив женщину, Ирина закрывает дверь и садится напротив меня, открыв тетрадь с заказами.

– Мне нужен человек на заказы, я уже от некоторых отказываюсь. Могла бы тебя три дня в неделю ставить, а потом посмотрим по загрузке. Но сразу предупреждаю: работа есть не только интересная.

– Я и дома не одни вечерние платья шила, Ир. Возьму и переделки, если они есть.

– Знаю, поэтому и разговариваю с тобой, а не предлагаю походить на курсы, – отвечает она, поправляя очки. – Только здесь сроки другие, Марин. Дома ты могла позвонить знакомой и перенести примерку, а тут у человека отпуск, билет куплен, ему к отъезду нужно.

У меня сразу становится горячо в лице.

– Я вообще-то не привыкла подводить заказчиков, Ир. Ты ведь знаешь, как я всегда за сроки переживаю.

– Я не сказала, что привыкла. Но ты сейчас после такого, а у нас бывают дни, когда и без развода плакать хочется. Мне нужно понимать, что ты возьмешь столько, сколько сможешь

сделать, и предупредишь заранее, если не успеваешь.

Она говорит без жалости, деловито, листая тетрадь. Мне сначала хочется обидеться, потом становится легче: она действительно предлагает работу, а не придумывает повод выдать мне денег.

Мы обсуждаем дни и оплату. Ирина показывает, какие заказы можно отдать мне, объясняет, что рассчитываться будем каждую неделю за сделанное. Я записываю суммы и понимаю, что первое время все равно придется брать из накоплений, но теперь хотя бы ясно, чем их можно пополнять.

– Ты с понедельника сможешь выйти или тебе еще время нужно? – спрашивает она, протягивая мне тетрадь, чтобы я посмотрела даты.

– С понедельника смогу. Только во вторник у меня Ольга на примерку, мы уже откладывали, больше тянуть не хочется.

– Тогда пока понедельник, среда и пятница. Своих клиенток не бросай, они тебе тоже нужны.

Записываю время и только после этого замечаю, что почти полчаса не проверяла телефон.

Ирина просит помочь развесить готовые вещи. Мы убираем со стола обрезки ткани, находим потерявшуюся пуговицу, и я понемногу перестаю ждать от каждого разговора нового повода заплакать. Когда подруга гасит свет, мне даже не хочется уходить.

Уже дома несколько раз открываю переписку с дочерью.

Набираю, что не имела в виду всю ее жизнь, стираю, снова начинаю. Все получается либо слишком холодно, либо так, словно ничего плохого она мне не сделала и я одна во всем виновата.

Пока я сижу над сообщением, сверху появляется уведомление от Вероники.

«Марина, добрый вечер. Отправляю обновленные варианты оформления и расчет. Завтра привезу папку в ресторан, Сергей подтвердил встречу».

Я читаю сообщение дважды, потом открываю вложение. На первой странице имена Даши и Ильи, дата свадьбы, фотография зала. На второй перечислено, что еще предстоит выбрать.

Набираю Сергея, уже не пытаясь придумать спокойное начало разговора.

– Сережа, мне сейчас Вероника написала. Она что, продолжает заниматься свадьбой?

– А что тебя удивляет? – спрашивает он после небольшой паузы. – У нас с ней все давно согласовано, предоплата внесена.

– Меня удивляет, что она собирается завтра приехать на семейный ужин, – отвечаю я. Голос дрожит, и я откашливаюсь, прежде чем продолжить: – Ты правда считаешь, что мы теперь будем вместе выбирать дочери цветы?

– Марина, мы не будем менять организатора посреди подготовки, – произносит он с усталым раздражением. – Завтра

Вероника приедет с документами, ничего особенного в этом нет. И я очень прошу тебя хотя бы при отце Ильи не устраивать никаких сцен.

Глава 4. Разговор не о муже

– Тогда пусть передаст тебе документы в другое время, – говорю я, прижимая телефон к уху. – Завтра я с ней за один стол не сяду.

В трубке скрипит кресло. Сергей молчит, и я представляю, как он откидывается на спинку и трет переносицу.

– Мы собираемся обсудить свадьбу, Марина. У нее расчеты, предложения по залу, она должна ответить на вопросы. Ты предлагаешь отложить все из-за того, что тебе неприятно ее видеть?

– Мы собираемся знакомиться с отцом Ильи. Для этого Вероника не нужна. Бумаги ты можешь принести сам, а вопросы ей потом зададите.

– Никто не заставляет тебя с ней разговаривать на личные темы, – произносит он с нажимом.

Я зажимаю свободную руку между коленями. Хочется закричать, чтобы он наконец услышал меня, но я почему-то объясняю почти шепотом:

– Сережа, я позавчера увидела, как ты ее целуешь у нас дома. До сих пор вспоминаю это каждый раз, когда закрываю глаза, а ты предлагаешь мне завтра слушать, как она рассказывает про салфетки. Я не смогу там сидеть.

– Значит, теперь ты начнешь ставить условия? А Даша пусть объясняет, почему ее мать не пришла?

– Я хочу прийти. И Дашу хочу увидеть, и с отцом Ильи познакомиться. Но если там будет Вероника, меня не будет. Я тебе сейчас это говорю, чтобы завтра никто не удивлялся.

Вдруг он ответит, что обойдутся без меня, а дочь согласится? Я смотрю на экран, хотя прекрасно слышу его дыхание.

– Хорошо, завтра ее не будет, – наконец говорит Сергей. – Я сам заберу все необходимое. Но менять организатора мы не собираемся, давай сразу на этом остановимся.

От облегчения у меня немного кружится голова. Опираюсь локтем о стол и только тогда понимаю, как сильно сжимала пальцы.

– И, пожалуйста, пусть остальное остается между нами, – добавляет Сергей уже спокойнее.

– Даше ты уже рассказал, будто я про Веронику знаю и мы с тобой обо всем договорились, – напоминаю я, закрывая глаза. – Не говори больше за меня, пожалуйста.

– Я не хотел, чтобы дочь переживала. Ей совершенно незачем знать все подробности.

Снова спорить я не могу. Даша и без того слишком много сегодня услышала из-за нашего с Сергеем брака.

– Мне пора, я еще не ужинала. Завтра приеду сама, заезжать за мной не нужно.

После звонка некоторое время держу телефон возле лица. Потом пододвигаю к себе тарелку с виноградом, которую приготовила еще до сообщения Вероники. Оказывается, я

очень хочу есть.

Через полчаса звонит Даша.

– Папа сказал, что завтра Вероники не будет, – произносит она осторожно, словно проверяет, можно ли вообще со мной разговаривать. – Ты с ним договорилась?

– Договорилась. Не хочу, чтобы ты завтра между нами бегала и пыталась всех успокоить.

– Видишь, он ведь согласился, – в ее голосе появляется надежда, от которой мне снова становится не по себе. – Может, вы постепенно и с остальным разберетесь? Без этих разговоров по телефону, когда каждый слышит только себя.

– Он согласился не приводить Веронику на ужин, – отвечаю я, стараясь не повысить голос. – Давай пока не будем додумывать за него остальное.

Даша замолкает. Мне хочется сказать что-нибудь ласковое, но я все еще помню, как мы расстались днем.

– Фрукты я убрала, спасибо тебе, – говорю наконец. – Виноград хороший, я попробовала.

– Я знаю, ты такой любишь, – отзывается она чуть мягче. – Я пришлю время и адрес. Спокойной ночи, мам.

Перед сном опять открываю нашу переписку. Хочу написать, что сегодня наговорила лишнего, но вспоминаю, сколько дней она знала о Веронике, и откладываю телефон. До чего же страшно, самой того не желая, рассориться еще и с дочерью.

В субботу до обеда занимаюсь Ольгиным платьем. Два-

жды проверяю разметку: с такой головой лучше потратить лишние пять минут, чем потом распарывать. Закончив, развешиваю платье на дверце шкафа и любуюсь ровной проймой.

Потом переодеваюсь, собираясь за хлебом. Снимаю заколку, которая все утро дергала волосы, нахожу другую и задерживаюсь перед зеркалом.

В сумке оказывается помада. Наношу немного, промокаю губы салфеткой и почти сердито убираю ее обратно: я ведь и раньше красилась, не нужно теперь искать объяснение каждому движению.

У подъезда останавливаюсь, пропуская женщину с коляской, и слышу знакомый голос:

– Как ваша машинка, пережила переезд?

Олег стоит возле соседнего входа, убирая телефон в карман куртки. Я сразу улыбаюсь, хотя еще секунду назад думала о том, не слишком ли тонко оделась.

– Уже работает. Боюсь, ей здесь нравится больше, чем в прежней комнате, свет лучше падает.

– Хорошо устроилась, – замечает он, подходя ближе. – А вы привыкли?

– Пока не совсем. Вчера спросонья пошла за водой и пыталась открыть кладовку вместо кухни.

Он смеется, и возле глаз собираются мелкие складки.

– Я после своего переезда долго парковался возле старого дома, – признается он. – Особенно когда с работы позд-

но возвращался. Иногда даже из машины успевал выйти, прежде чем соображал, куда приехал.

Мы стоим друг против друга, и я не понимаю, нужно ли уже прощаться. Прячу руки в карманы, чтобы не начать поправлять шарф.

– Вы куда-то торопитесь? Я за хлебом вышла, – говорю я и сразу чувствую, как теплеют щеки.

– Я тоже в пекарню собирался. Тут за углом, вы уже были?

– В магазин заходила, а в пекарню еще нет. Слушайте, может, я вас кофе угощу? За машинку. Мне тогда было так неловко, что я даже толком не поблагодарила.

– Поблагодарили, и не один раз, – отвечает он с улыбкой. – Но от кофе я не откажусь, если вы тоже выпьете.

В пекарне тепло, пахнет корицей и поджаренной корочкой. Я заказываю хлеб, два кофе и булочку с маком. Олег тоже выбирает хлеб, просит упаковать его и кивает на освободившийся столик у окна.

Он берет поднос, пока я расплачиваюсь, и дожидается, когда я сниму пальто, чтобы поставить чашку с моей стороны. Сев у окна, я почти сразу замечаю вывеску напротив.

– «Шаурма высокой кухни», – читаю я вслух. – Интересно, ее нужно есть ножом и вилкой?

Олег оборачивается к окну, потом снова смотрит на меня.

– Надеюсь, нет. Вся прелесть была в том, что можно поесть одной рукой и не опоздать обратно на работу. Придется теперь прилично себя вести.

– И не спрашивать, почему капусты больше, чем мяса, – подхватываю я, разламывая булочку.

– Еще обидятся, скажут, что у повара такое видение, – соглашается он, пряча улыбку за чашкой.

Я смеюсь и замечаю, что он смотрит уже не на вывеску, а на меня. От этого внимания становится немного неловко. Между нами маленький стол, две чашки и салфетница, которую я без всякой причины передвигаю к окну.

– Вы только себе шьете или на заказ тоже? – спрашивает он, а я с облегчением хватаюсь за знакомую тему.

– На заказ, а для себя постоянно откладываю. Все думаешь: вот это платье закончу, брюки отдам, а там уже и лето прошло.

Рассказываю, как почти год не могла поменять молнию на собственной куртке, хотя все нужное было под рукой. Олег с улыбкой показывает мне край рукава.

– А я все никак пуговицу не пришью. Пока держится, както не вспоминается.

Я уже протягиваю руку, чтобы посмотреть, насколько она болтается, и спохватываюсь. Мы едва знакомы, а я сейчас полезу его одевать.

– Вот теперь вы вспомнили, надо вечером пришить, – говорю я с улыбкой, возвращая руку к чашке.

– Придется. А то неловко будет перед вами с тем же самым рукавом показаться.

Он спрашивает, трудно ли переделывать готовые вещи, и

слушает, даже когда я увлекаюсь и начинаю объяснять, почему нельзя просто взять и убрать несколько сантиметров в одном месте.

– То есть мою любимую фразу «тут же только немного подвинуть» вам тоже говорят? – уточняет он, когда я наконец умолкаю.

– Постоянно. Особенно когда это «немного» тянет за собой половину платья. А вам что предлагают двигать?

– Стены, в основном. Я инженер-строитель, работаю в небольшой компании. Иногда мне кажется, что люди просто не верят, сколько всего держится на одной стене.

Он рассказывает про заказчика, который просил сделать кабинет шире, но не хотел уменьшать соседние комнаты. Я смеюсь и вспоминаю женщину, принесшую отрез на юбку, а попросившую выкроить платье с рукавами.

Разговор идет так легко, что я сама не замечаю, как мы от работы переходим к старым фильмам. Я признаюсь, что иногда включаю их фоном, пока шью, потому что все равно знаю наизусть.

– А потом бросаете работу и смотрите? – спрашивает Олег, чуть наклоняя голову.

– Только любимые места. Хотя у меня в «Служебном романе» почему-то почти все места любимые.

– Я его обычно заставал по телевизору с середины, – говорит он. – Начало, наверное, видел раза в два меньше, чем конец.

Мы немного спорим о том, стоит ли пересматривать знакомое. Олегу интереснее смотреть, когда не знаешь, чем все кончится, а я пытаюсь объяснить удовольствие от фильма, в котором уже не нужно ни за кого бояться.

Потом он рассказывает, как выбрал на вечер детектив и уснул раньше, чем появился первый подозреваемый. Я смеюсь и вдруг понимаю, что уже давно не вспоминала кабинет Сергея.

Эта мысль меня пугает. Я почти машинально перевожу взгляд на обручальное кольцо, поворачиваю его на пальце. Вчера мне казалось, что еще долго ни о чем другом думать не смогу, а сегодня сижу в пекарне с почти незнакомым мужчиной, и мне хорошо.

– Кофе остыл? – спрашивает Олег, заметив, что я перестала пить.

– Немного, – отвечаю я и беру чашку. – Я просто заболталась.

Он смотрит на часы, и я тоже достаю телефон. Мы сидим здесь уже больше получаса.

– Мне еще нужно заехать кое-куда, – говорит он, помедлив. – Хорошо, что я за хлебом пошел. Обычно беру в магазине по дороге.

– А я вообще сегодня едва себя заставила выйти.

Я произношу это прежде, чем успеваю подумать, не придется ли теперь объясняться. Но Олег только улыбается:

– Тогда в следующий раз заходите в пекарню. Кофе у них,

по-моему, вполне приличный.

На улице я застегиваю пальто. Олег держит свой пакет с хлебом, потом чуть наклоняется ко мне, чтобы не говорить слишком громко возле входа.

– Марина, а вы завтра свободны? Здесь недалеко парк, я иногда туда хожу. Можно было бы прогуляться, а потом еще кофе выпить.

Я смотрю на него, уже понимая, что отвечу, но почему-то не могу сразу произнести. Впереди сегодняшний ужин, у Даши все еще обида на меня, Сергей уверен, что я скоро успокоюсь. У меня самой жизнь пока помещается в сумку и несколько пакетов.

– Часам к одиннадцати сможете? – уточняет он и, заметив мою заминку, добавляет: – Можно позже, мне завтра не к спеху.

– К одиннадцати удобно, – отвечаю я. – Я бы с удовольствием прошлась.

Оттого, что это сказано вслух, становится одновременно радостно и тревожно. Мы обмениваемся номерами, и я сохраняю его как «Олег», так и не спросив фамилию.

До двора идем вместе, а потом он поворачивает к своей машине. Я поднимаюсь в квартиру и ставлю хлеб на кухонный стол. Из пакета еще пахнет теплой корочкой.

К вечеру за окном темнеет. Даша присылает адрес ресторана и время, я отвечаю, что буду, и достаю блузку. Нужно погладить воротник, подобрать брюки, а я прикладываю

блузку к себе и думаю, не будет ли в ней холодно завтра в парке.

Телефон негромко звякает. Олег пишет, что будет ждать у пекарни в одиннадцать, и желает хорошего вечера. Я отвечаю, потом еще раз перечитываю его сообщение.

В темном окне отражается моя улыбка. Я даже касаюсь губ: не заметила, когда начала улыбаться. Мне предстоит ужин, на который страшно идти, а я уже хочу, чтобы поскорее наступило воскресенье, и думаю не о том, как объясняться с мужем, а о том, понравилась ли я мужчине, с которым собираюсь гулять.

Глава 5. Папа жениха

Сергей встречает меня возле гардероба и тянется к пуговице моего пальто прежде, чем я успеваю расстегнуть еесама.

– Дай помогу, у тебя воротник подвернулся, – говорит он привычным домашним голосом. – Я думал, ты позвонишь, когда подъедешь. Мог бы выйти к машине.

– Я нормально дошла, здесь от дороги всего несколько шагов.

Сама расстегиваю пальто и отдаю его гардеробщице. Сергей оглядывает меня так, будто мы просто приехали порознь, а через несколько часов вместе вернемся домой.

– Хорошо выглядишь. Тебе идет эта блузка, я всегда говорил.

Всего пару дней назад комплимент обрадовал бы меня. Сейчас я не знаю, что ответить, и иду за Сергеем к столу. Там стоят пять бокалов, а на свободном стуле лежит знакомая папка с образцами оформления.

– Вероника передала документы, как ты просила, – поясняет Сергей, отодвигая для меня стул. – Сама не приедет, можешь не волноваться.

– Я вижу, что ты принес папку. Давай сейчас без нее обойдемся, хорошо?

Он поджимает губы, но убирает документы на подокон-

ник. Садится рядом, хотя с другой стороны стола тоже есть свободное место, и разворачивает меню.

Когда подходит официант, Сергей сразу заказывает воду и бутылку белого вина.

– Моя супруга любит это, мы уже брали, – добавляет он, показывая строчку в карте.

– Мне пока только воду, пожалуйста, – прошу я официанта. – А остальное выберу немного позже.

Даша появляется первой. На ходу снимает шарф, ищет нас глазами и, заметив, улыбается с таким облегчением, что мне хочется сразу встать ей навстречу.

Она обнимает отца, потом наклоняется ко мне.

– Мам, спасибо, что приехала, – шепчет она возле моего уха. – Я очень рада, правда.

Я касаюсь ее щеки и чувствую, как она на секунду прижимается к моей ладони. Вчерашняя ссора никуда не делась, но сейчас я готова хотя бы не добавлять к ней нового.

За дочерью входит Илья. Он оборачивается к кому-то у двери, придерживает ее и говорит:

– Пап, нам сюда, они уже за столом.

Я поднимаю голову и вижу Олега.

Он идет следом за сыном, поправляя манжету рубашки. Заметив меня, останавливается возле стула Даши. Улыбка пропадает с его лица, взгляд скользит к Сергею и возвращается ко мне, а Илья уже начинает нас представлять.

– Это мой отец, Олег Корнеев, – говорит Илья, обращаясь

к нам. – Пап, это Марина, Дашина мама. А это Сергей, ее отец. Вы по телефону разговаривали, помнишь?

Сергей встает и протягивает руку.

– Конечно, разговаривали. Очень рад наконец познакомиться лично. Мы с супругой давно собирались, но у молодежи никак времени не находилось.

Мужчины пожимают руки, а я все еще сижу, положив ладони на колени. Мне хочется подняться, сказать что-нибудь обычное, но получается только неловко улыбнуться.

– Добрый вечер, Марина, – произносит Олег чуть тише, чем здоровался с Сергеем.

– Здравствуйте, Олег. Вот уж не ожидала вас здесь увидеть.

Даша переводит взгляд с него на меня.

– Подождите, а вы уже знакомы? – спрашивает она, придерживая спинку стула.

– Мы живем в соседних подъездах, – объясняю я. – Олег помог мне донести швейную машинку. Я бы одна с ней на лестнице долго возилась.

Мне кажется, все слышат, как сильно я стараюсь говорить спокойно. Утром мне даже не пришло в голову спросить его фамилию. В пекарне мы обсуждали работу, смеялись, спорили о кино, а теперь я смотрю на Илью и наконец замечаю, как он похож на отца.

Я поспешно отодвигаю сумку, освобождая место. Олег садится напротив, а Сергей снова занимает стул рядом со

мной.

– Вот и познакомились заранее, – замечает он, раскладывая на коленях салфетку. – Мир тесен, оказывается.

Он произносит это добродушно, но я замечаю, как задерживается его взгляд на Олеге. Беру меню и прячусь за ним.

У меня в телефоне сообщение от отца будущего зятя. Он будет ждать меня завтра в одиннадцать возле пекарни, и я уже написала, что обязательно приду.

Официант возвращается с водой и вином, и несколько минут можно заниматься только выбором блюд. Я пользуюсь этой передышкой, пытаясь привыкнуть к тому, что Олег теперь сидит за нашим семейным столом.

– Ты же это не любишь, там острый соус, – говорит Сергей, заглянув в мое меню. – Возьми вот эту рыбу, мы в прошлый раз заказывали.

Я смотрю на строчку, которую он показывает, и действительно вспоминаю вкус. Мы сидели здесь зимой, после концерта, и он все уговаривал меня попробовать десерт.

– Я попрошу соус отдельно, – отвечаю я, обращаясь к официанту.

Когда заказ принят, Илья начинает рассказывать, как они с Дашей ездили смотреть еще один зал. Там им понравилось почти все, кроме лестницы, по которой невесте придется подниматься в платье.

– Я пока до второго этажа дошла, уже пожалела, что не в кроссовках, – признается дочь, улыбаясь. – А ведущий еще

говорит: зато какое эффектное появление.

– Если я тебя там понесу, эффектное появление будет у нас обоих, – замечает Илья. – Только не уверен, что мы до площадки доберемся в том же положении, в каком начали.

Даша смеется, отталкивает его плечом, и я тоже не удерживаюсь от улыбки.

– Это ты еще не видел, как она в детстве уставала ходить, – говорит Сергей, глядя на дочь. – Чуть лестница, сразу ко мне на руки просилась.

– Ты сам предлагал, мне и просить не приходилось, – возражает Даша со смехом.

Я помню, как он нес ее на плечах, пригибаясь в дверях подъезда. Когда они вот так улыбаются друг другу, мне трудно думать о Сергее только как о человеке, которого я застала с Вероникой. Опускаю глаза на скатерть, а дочь поворачивается ко мне.

– Мам, мы ведь еще можем сделать шлейф покороче? Я посмотрела видео, там невесте все время на него наступают.

– Мы еще даже выкройку не построили, можем все поменять. Только давай не будем кроить по десяти разным картинкам, а то ты мне за эту неделю уже столько прислала.

– Вы сами будете шить свадебное платье? – спрашивает Олег. – Я бы, наверное, побоялся браться за заказ для такого придирчивого родственника.

– Я не придирчивая, – смеется дочь и тут же смотрит на меня. – Мам, ну скажи ему.

– Ты на выпускной три раза меняла решение насчет рукавов. Но до свадьбы мы как-нибудь договоримся.

– Марина у нас рукодельница, – говорит Сергей, положив руку на спинку моего стула. – Пока я служил, она и дочь обшивала, и себе что-нибудь придумывала. Без дела сидеть не любит.

– Я по специальности конструктор одежды, – поясняю я, глядя на Олега. – После учебы в ателье работала, а потом уже на дому.

– У нее и сейчас заказы есть, – неожиданно добавляет Даша. – У мамы иногда по вечерам телефон не замолкает, все что-нибудь спрашивают.

Я смотрю на дочь с благодарностью. Она опускает глаза к тарелке, которую только что поставил официант, словно сама смутилась того, как быстро вступилась за меня.

– С понедельника еще к Ирине в ателье выхожу, – говорю я. – Пока на три дня в неделю, там посмотрим.

Сергей убирает руку со стула.

– Ты уже решила? Мне почему-то ничего не сказала.

– Мы вчера договорились, я еще не успела со всеми обсудить.

Он поджимает губы, потом берет вилку.

– Главное, чтобы на Дашино платье времени хватило. А то наберешь чужих заказов и будешь по ночам сидеть.

– На Дашино хватит, я сроки помню, – отвечаю я, чувствуя, как от его тона снова напрягаются плечи.

Некоторое время разговор идет спокойно. Илья рассказывает о работе, Олег спрашивает, долго ли ему еще ездить на объект за город. Сергей интересуется проектом, задает вопросы, и я понемногу перестаю следить за каждым произнесенным словом.

Они вполне могут понравиться друг другу. Сергей умеет слушать, когда ему интересно, а Олег уже не держится так настороженно. Я смотрю на обоих мужчин и ловлю себя на том, что даже улыбнуться Олегу боюсь. Вдруг кто-нибудь поймет больше, чем я сама успела понять.

Когда убирают тарелки, Сергей снова достает папку. Даша сразу тянется посмотреть новые фотографии, но Илья просит сначала определиться с количеством гостей.

– А то мы каждый раз выбираем зал побольше, – объясняет он. – Я уже не понимаю, кто все эти люди, которые к нам собираются.

– Родственники, друзья семьи, – отвечает Сергей. – Вы поженитесь один раз, хочется нормально отметить. С площадкой я помогу, не переживайте.

– Мы благодарны, пап, – говорит Даша и кладет ладонь на папку. – Но можно сегодня хотя бы без окончательных решений? Мы же собирались познакомиться.

– Ну хорошо, давай без решений, – соглашается Сергей, закрывая папку. Потом обращается к Олегу: – Летом к нам приезжайте. У нас за городом хорошо, дети тоже соберутся. Марина любит гостей, у нее только повод дай что-нибудь за-

теять.

– Посмотрим ближе к лету, – отвечает Олег, не спеша принимать приглашение. – У меня по работе пока непонятно, какие сроки получатся.

– Мы тоже сначала свадьбу проведем, а потом я Марину к морю вывезу, – говорит Сергей и поворачивается ко мне. – Ты ведь все хотела выбраться. В этот раз поедем надолго, без твоих заказов и моих звонков.

Даша улыбается, и я вижу, как много надежды сразу появляется у нее в глазах.

Провожу пальцем по краю салфетки. Мне достаточно кивнуть, и разговор пойдет дальше. Потом можно будет отдельно объяснять Сергею, что я никуда с ним не собираюсь, а Даше говорить, что она опять не так поняла.

– Сережа, мы с тобой не договаривались ни о море, ни о гостях, – произношу я. – Не надо сейчас рассказывать за нас обоих.

– Я предлагаю, а не рассказываю, – отвечает он с улыбкой, которая держится только на губах. – Еще успеем все обсудить.

– Я не поеду с тобой в отпуск. Я от тебя ушла и не хочу делать вид, что мы просто выбираем, где отдохнуть после свадьбы.

Слова выходят громче, чем я рассчитывала. За соседним столом смеются, официант проходит мимо с подносом, а у нас никто даже не двигается.

Даша первой опускает глаза.

– Мам, мы же просили сегодня без этого, – говорит она тихо. – Можно было просто не обсуждать отпуск.

– Я и не собиралась, Даш. Но мне предлагают его планировать, как будто ничего не случилось.

Сергей подается ко мне, почти касаясь локтем моего локтя.

– Марина, ты сейчас при чужом человеке будешь рассказывать о нашей ссоре? – спрашивает он негромко, но так, что слышат все. – Мы взрослые люди, давай обойдемся без выяснения отношений за столом.

Я поворачиваюсь к Олегу. Лицо у него серьезное, он смотрит прямо на меня, хотя мне самой хочется поскорее отвести глаза.

– Простите, пожалуйста, – говорю я, и голос начинает дрожать. – Я не хотела, чтобы знакомство так получилось. Просто мы сейчас живем отдельно. И я не собираюсь возвращаться.

– Ты еще сама не знаешь, что собираешься делать, – перебивает Сергей, выпрямляясь. – Три дня прошло, а ты уже всем объявления делаешь.

– Я хочу развестись, Сережа, – произношу я и сама пугаюсь того, как отчетливо это прозвучало. – Пока ничего не подала, не узнавала, куда идти. Но жить с тобой дальше я не хочу.

Даша прижимает пальцы к губам. Илья тихо говорит ей

что-то, наклонившись ближе, а я смотрю в стол, пытаясь справиться со слезами. Мне стыдно перед ним, перед Олегом, даже перед официантом, который может подойти в любую минуту.

– Давайте немного передохнем, – просит Илья, обнимая Дашу за плечи. – Мы ведь сейчас ничего не решим, только еще сильнее перессоримся.

– Вот именно, – подхватывает Сергей. – Я предлагаю только спокойно поужинать, а все остальное обсудим дома.

– Сергей, кажется, Марина как раз объясняет, что домой не поедет, – вмешивается Олег, чуть нахмурившись. – Не стоит ее сейчас уговаривать.

Сергей медленно переводит на него взгляд.

– Вы нас простите, конечно, но мы двадцать восемь лет вместе, у нас семья. Мы все-таки сами разберемся.

– Конечно, сами, – отвечает Олег уже суше. – Я и не собираюсь за вас ничего решать.

Мне не хочется, чтобы они начали спорить из-за меня. Выпрямляюсь, снимаю салфетку с колен и кладу возле тарелки.

– Я поеду, наверное. Даш, прости, что вечер испортила. Мне нужно немного успокоиться.

Дочь смотрит на меня, потом на Олега. Ее брови медленно сходятся.

– Мам, подожди, пожалуйста, – говорит она, когда я берусь за сумку. – А Олег уже знал, что вы с папой разошлись?

Вы об этом разговаривали?

– Мы о папе не говорили, – отвечаю я, чувствуя, как начинают гореть щеки. – Сегодня утром кофе пили в пекарне возле дома, просто болтали. Я только сейчас узнала, что Олег твой будущий свекор.

Улыбка окончательно исчезает с лица Сергея.

– Когда ты говоришь «кофе пили», это что означает? – спрашивает он, откинувшись на спинку стула. – У тебя, оказывается, очень насыщенные дни, Марина.

– Это означает, что мы сидели за столом и разговаривали, – отвечаю я, стараясь не смотреть на мужа. – Не о тебе, не о свадьбе, а просто так.

Даша убирает руку Ильи со своего плеча и наклоняется ко мне.

– Мам, а дальше что? Вы теперь будете встречаться в этой пекарне? Я хочу понять, ты мне про нового соседа рассказываешь или про что-то другое?

Я смотрю на Олега и вспоминаю, как совсем недавно улыбалась своему отражению в темном окне.

– Мы договорились завтра погулять вдвоем, Даш. Олег пригласил меня, а я согласилась.

Глава 6. Мама, только не с ним

– Мам, ты понимаешь, что это Ильин отец? – спрашивает Даша, глядя на меня так, будто я могла не расслышать, когда нас знакомили. – Вы ведь не можете теперь просто пойти гулять, как ни в чем не бывало.

Я

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.